

МОРЕ ГРЕХА

Ольга Дашкова

18+

Ольга Дашкова

Море Греха

<https://litres.ru/74174372>

SelfPub; 2026

Аннотация

Меня забрали ночью и привезли к человеку, которого боится вся Италия.

Теперь я принадлежу Алессандро Равенне.

Жестокому и невыносимо притягательному капо, который решил сделать меня своей самой сладкой местью.

Я должна ненавидеть его. Должна бороться.

Но каждую ночь, когда он прижимает меня к холодному стеклу окна, а за спиной бушует море, мое тело сдаётся. Маяк мигает, море ревет, а я все глубже тону в нем, в мужчине, которого обязана презирать.

Я его пленница. Его расплата. Его слабость.

А он мое «Море Греха»

Содержание

Пролог	4
Глава 1	12
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Ольга Дашкова

Море Греха

Пролог

Море никогда не прощает.

Оно забирает все: корабли, людей, надежды.

В ту ночь оно забрало и мою прежнюю жизнь.

Еще утром я была Витторией Каррара – дочерью человека, чье имя произносили с почтением и страхом портовых городов побережья.

Я примеряла платье для благотворительного приема, спорила с матерью о цвете помады, смеялась над шутками младшего брата за завтраком. Обычный день. Последний обычный день.

Сейчас я стояла на палубе катера, который резал черные волны, как нож. Руки были стянуты за спиной пластиковыми стяжками так туго, что пальцы уже онемели, а кожа на запястьях горела огнем.

Соленый ветер хлестал по лицу, смешивая слезы с морской водой, и я уже не понимала, где заканчиваются одни и начинаются другие. Платье, которое еще несколько часов назад было белым – тем самым, для приема, – теперь покрывали бурые пятна.

Кровь моего отца.

Я не знала, жив ли он. Помнила только грохот выстрелов, разнесшийся по дому, как гром среди ясной ночи. Помнила, как мать закричала где-то в глубине коридора, и этот крик оборвался слишком быстро.

Помнила, как меня схватили за волосы и поволокли вниз по лестнице, а я цеплялась взглядом за каждую деталь дома, в котором выросла. За фотографии в резных рамках, за старинные часы в холле, за витражное окно, через которое утром всегда падал разноцветный свет.

Я знала, что вижу это в последний раз.

Люди отца лежали на полу нашей виллы, те люди, кто должен был меня защищать. Я не могла смотреть на их лица. Боялась узнать.

А меня, связанную, выволокли под руки, словно мешок с мусором, и бросили в багажник машины, а потом я оказалась на этот катер, летящий сквозь темноту неизвестно куда.

– Куда вы меня везете? – спросила в который раз у молчаливого мужчины в черном, стоявшего рядом со штурвалом.

Он даже не повернул головы. Только его пальцы крепче сжали руль, будто мой голос был назойливой мухой, которую хотелось прихлопнуть.

Перестала спрашивать. Вместо этого начала считать удары волн о борт катера – раз, два, три, просто чтобы не думать. Чтобы не представлять, что могло случиться с отцом. С матерью.

С Дарио, моим младшим братом, которому едва исполнилось шестнадцать и который прятался, наверное, в чулане за библиотекой. Там, где мы прятались детьми, играя в войну. Только теперь война была настоящей.

Маяк появился внезапно. Красный огонь прорезал тьму, словно предупреждение, адресованное лично мне. Одинокий, высокий, древний.

Он стоял на краю скалы, как страж, который видел слишком много смертей и разучился этому удивляться. Катер повернул к узкой бухте у подножия, двигатель сбавил обороты, и в наступившей относительной тишине я услышала собственное сердце. Оно колотилось так, будто хотело выпрыгнуть из груди и сбежать раньше меня.

Я поняла.

Это конец.

Меня вели вверх по каменистой тропе, вырубленной прямо в скале. Ноги скользили на влажных камнях, колени разбивались в кровь сквозь тонкую ткань платья.

Каждый шаг отдавался болью в стертых запястьях, в груди, где будто застрял осколок льда. Я думала о матери, о ее последнем крике.

Думала о Дарио, которого, возможно, уже нет в живых. Думала о том, как глупо, нелепо и страшно все закончилось. Не выстрелом, не быстрой смертью, а этим долгим, унижительным подъемом на чужую гору, в чужую тьму.

Мужчины по бокам от меня молчали всю дорогу. Я раз-

глядывала их краем глаза. Суровые лица, оружие на поясе, ни капли сочувствия.

Один из них, помоложе, на секунду поймал мой взгляд и тут же отвел глаза, будто испугался того, что в них увидел. Может, жалость. А может, просто предвкушение того, что ждет меня впереди.

Особняк вырос из темноты внезапно. Массивный, темный, словно вросший в скалу, как будто камень и здание были одним целым много столетий.

Черный камень, узкие, похожие на бойницы окна, тяжелые железные ворота, покрытые ржавчиной, которая на фоне лунного света казалась запекшейся кровью.

Когда они закрылись за моей спиной с глухим металлическим лязгом, я почувствовала, как внутри оборвалась тонкая нить, связывавшая меня со старой жизнью.

Это не тюрьма. Это могила.

Меня втокнули в большой кабинет, и я едва не упала, зацепившись подолом за порог. Свет был приглушенным, только настольная лампа отбрасывала желтый круг на темное дерево стола, да огонь потрескивал в камине, бросая пляшущие тени на стены, увешанные старинными морскими картами.

Пахло дымом, кожей и чем-то терпким, как виски многолетней выдержки. *И он.*

Алессандро Равенна сидел за столом.

Даже сидя он занимал все пространство комнаты, будто

сама мебель подстраивалась под его присутствие.

Широкие плечи, черная рубашка с закатанными до локтей рукавами, татуировки, выползающие из-под воротника на шею и дальше, на предплечья. Сложный узор из черных линий, в котором я не могла разобрать смысла, только чувствовала: он не случаен.

Темные волосы, зачесанные назад, острые скулы, тень щетины на подбородке. Глаза цвета штормового моря, того самого моря, что совсем недавно решило мою судьбу.

Он не встал. Просто смотрел на меня долго, очень долго.

Взгляд скользил по мне сверху вниз, медленно, будто оценивал товар перед покупкой. Оценивал не как женщину, а как имущество, доставшееся в качестве оплаты долга.

– Виттория Каррара, – наконец произнес. Голос низкий, спокойный, но в нем чувствовалась сталь, спрятанная под бархатом. – Дочь человека, который решил, что может воткнуть мне нож в спину.

Я молчала. Горло сжало так, что я не была уверена, смогу ли вообще заговорить.

Он медленно поднялся. Движения были неторопливыми, экономными. Движения человека, который никогда никуда не спешит, потому что знает: время всегда на его стороне.

Подожел ближе. Остановился в шаге от меня, и я вдруг почувствовала себя невероятно маленькой рядом с ним, хотя всегда считала себя высокой.

От него пахло дорогим парфюмом, дымом сигар и чем-то

опасным, тем, что невозможно было назвать словами, но что заставляло каждую клетку тела кричать: *беги*.

Бежать было некуда.

– Ты знаешь, что делают с предателями в нашем мире? – тихо спросил, склонив голову набок, будто изучая насекомое, попавшее в паутину.

Я подняла глаза и посмотрела ему прямо в лицо, стараясь не показать, как дрожат колени.

– Убивают, – ответила хрипло. – Так убейте и меня. Не тяните.

Санто чуть наклонил голову еще сильнее. На его губах появилась едва заметная, холодная улыбка – красивая и от этого еще более пугающая.

– Нет, принцесса. Убить тебя – слишком просто. Слишком милосердно.

Он протянул руку и убрал мокрую прядь волос с моего лица. Прикосновение было почти нежным. Почти.

Пальцы задержались на щеке на долю секунды дольше, чем следовало бы, и я поняла, что этот жест был не заботой, а предупреждением.

Демонстрацией того, что теперь мое тело, мое лицо, каждая часть меня принадлежит ему по праву, которое он сам себе присвоил.

– Ты останешься здесь. Будешь жить в моем доме. Дышать моим воздухом. И каждый день помнить, что твоя семья заплатила за свою ошибку тобой.

Почувствовала, как по спине пробежал холод, будто кто-то провел по позвоночнику кусочком льда.

– Я не буду твоей игрушкой, – выдавила, вложив в эти слова весь остаток гордости, что у меня оставался.

Он наклонился ближе, теплое, пахнущее виски и чем-то горьковатым дыхание, коснулось щеки.

– Еще как будешь, – прошептал. – И когда-нибудь... ты сама будешь просить меня не отпускать тебя.

Хотела ответить, хотела бросить ему в лицо что-то дерзкое, что-то, что доказало бы: он не сломал меня в первую же ночь.

Но слова застряли в горле, а он уже отступил на шаг, будто потеряв ко мне всякий интерес, или, вернее, будто эта игра только начиналась, и спешить было незачем.

Санто выпрямился и кивнул своим людям, стоявшим у двери все это время неподвижно, как статуи.

– Отведите ее в комнату. Пусть приведет себя в порядок. Завтра начнем.

Меня повели по длинному коридору, увешанному портретами людей, которых я не знала, суровые лица в темных рамах, будто целая галерея призраков этого дома следила за каждым моим шагом.

Пол под ногами был холодным, каменным, и я впервые за всю ночь по-настоящему осознала: обратной дороги нет.

Мой мир – виллу с витражными окнами, смех Дарио за завтраком, запах маминых духов – больше не существовал.

Существовал только этот дом, эти скалы и человек, чье имя я теперь обязана была носить в себе, как клеймо.

Первое, что я увидела перед тем, как за мной закрылась тяжелая дверь – был красный свет маяка, пульсирующий за высоким панорамным окном, словно отсчитывающий последние секунды моей свободы.

Я стояла и смотрела на это мигание – раз, два, три.

Я не знала тогда, что этот маяк станет свидетелем не только моего падения.

Но и моего греха.

Глава 1

Проснулась от того, что мне казалось – я все еще на катере. Тело качалось, хотя я лежала на кровати, неподвижной, широкой, застеленной постельным бельем, слишком мягким и слишком дорогим для тюрьмы.

Несколько секунд я не могла понять, где нахожусь, и в этой пустоте между сном и явью мне почти удалось убедить себя, что прошедшая ночь была кошмаром. Потом я открыла глаза до конца, и реальность обрушилась на меня, как холодная волна.

Комната была огромной. Высокие потолки терялись где-то в полумраке, темно-серые стены казались почти черными в предрассветном свете, тяжелые шторы цвета ночного моря были частично раздвинуты, впуская первые серые лучи.

Через большое окно открывался вид на скалы и маяк. Красный огонь все еще мигал в предрассветной дымке – размеренно, безжалостно, будто отсчитывал время, которое у меня украли.

Я села. Тело болело так, словно меня всю ночь били палками. Запястья были стерты до крови – стяжки оставили глубокие борозды, которые теперь саднило от малейшего движения.

На мне была чужая рубашка – слишком большая, мужская, пахнущая сандалом и табаком, с закатанными рукава-

ми, свисающими ниже кистей. Моего платья нигде не было, и я не хотела думать о том, кто снимал его с меня и когда.

Оглядела комнату внимательнее. Мебель темного дерева, тяжелая, старинная, но ухоженная. Камин, в котором сейчас не горел огонь.

Книжная полка с корешками, которые я не могла разобрать издалека. Дверь в дальнем углу – вероятно, ванная. И еще одна дверь, рядом с которой стоял стул. Единственная дверь, ведущая наружу.

Дверь была заперта. Конечно.

Подошла к окну, стараясь не обращать внимания на то, как отзывается болью каждый шаг. Внизу, далеко под обрывом, билось море, то самое, по которому привезли меня сюда, теперь спокойное, почти безмятежное, будто извиняясь за ночную бурю.

Высота была такой, что голова закружилась, и я машинально отступила на полшага назад. Бежать некуда. Даже если я выберусь из дома – скалы и волны сделают все сами, довершат то, что не успели сделать люди в черном.

Прижала ладонь к холодному стеклу и позволила себе на мгновение закрыть глаза. Попыталась представить лицо матери, голос Дарио, привычный шум дома, где я выросла. Но образы расплывались, ускользали, будто эта комната, этот дом уже начинали вытеснять из меня прежнюю жизнь.

За дверью слышались уверенные, неспешные, тяжелые шаги. Я быстро вернулась к кровати и села, обхватив колени

руками, будто эта поза могла защитить меня хоть от чего-то. Сердце забилося быстрее.

Дверь открылась.

Алессандро Равенна выглядел так, будто ночь для него закончилась только что.

Черные брюки, свежая рубашка, застегнутая не до конца, но тени под глазами выдавали, что он почти не спал. Возможно, разбирался с последствиями того, что случилось на моей вилле, возможно, просто не мог уснуть в доме, где теперь находилась я.

В руках он держал поднос с едой и бутылкой воды, и на секунду эта бытовая, почти домашняя деталь показалась мне абсурдной на фоне всего, что произошло.

– Доброе утро, – произнес спокойно, словно мы были обычными людьми, встретившимися за завтраком, а не тюремщиком и пленницей.

Я молчала. Смотрела, как он пересекает комнату уверенными шагами, как человек, для которого это пространство продолжение его собственного тела.

Он поставил поднос на столик у окна и повернулся ко мне. Его взгляд медленно прошелся по моему телу. От растрепанных волос до босых ног. Не похотливо. Оценивающе. Как хозяин осматривает новую собственность, проверяя, не повредили ли товар при доставке.

– Как спалось?

– Как в тюрьме, – ответила, стараясь, чтобы голос звучал

тверже, чем я себя чувствовала.

– Это еще не тюрьма. Тюрьма будет, если ты начнешь глупить, – он едва заметно усмехнулся, и в этой усмешке не было ни капли тепла.

Мужчина подошел ближе и остановился в двух шагах. Я невольно напряглась, вжимаясь спиной в изголовье кровати, хотя понимала, что бежать некуда, а прятаться – тем более.

– Правила простые, Виттория. Ты не выходишь за пределы дома без моего разрешения. Неходишь к телефону. Не пытаешься связаться с кем-либо из своей семьи. Если будешь послушной, то получишь определенную свободу. Если нет... – он сделал паузу, и в этой паузе было больше угрозы, чем в любых словах, – я найду способы сделать твою жизнь очень неприятной.

Подняла на него глаза, чувствуя, как внутри поднимается злость – единственное чувство, которое еще позволяло мне не рассыпаться на осколки прямо здесь, на этой чужой кровати.

– Зачем я тебе? Хочешь унижить моего отца даже после его смерти?

Санто наклонил голову, разглядывая меня так внимательно, будто пытался прочесть что-то, спрятанное глубоко под кожей.

– Твой отец уже не имеет значения. Он мертв.

Слова ударили, как пощечина. Я знала это. Подозревала с той секунды, как услышала выстрелы в доме. Но услышать

вслух, произнесенное так буднично, будто речь шла о погоде...

Отвернулась к окну, чтобы он не видел моих глаз, чтобы не доставить ему удовольствия увидеть, как они наполняются слезами. Красный свет маяка мигнул где-то вдалеке, и я вцепилась взглядом в эту точку, как в единственное, что оставалось стабильным в рушащемся мире.

– Тогда зачем я здесь? – тихо спросила, не оборачиваясь.

Он долго молчал, так долго, что я почти обернулась проверить, ушел ли он. Потом ответил, и голос его прозвучал ближе, чем я ожидала:

– Потому что когда я увидел тебя на фотографии в деле твоего отца, понял – ты будешь идеальной расплатой. Красивая. Гордая. Сломать такую это настоящее удовольствие.

Резко повернулась к нему, забыв о слезах, о боли, обо всем, кроме ярости, вспыхнувшей внутри, как порох.

– Ты больной ублюдок.

Санто сделал шаг вперед. Теперь между нами было меньше полуметра. Он был настолько выше меня, что мне приходилось сильно задирать голову, чтобы смотреть ему в лицо, и это ощущение собственной физической слабости рядом с ним пугало едва ли не больше, чем его слова.

– Возможно, – спокойно согласился он, в тоне не было ни капли обиды или раздражения. – Но теперь ты принадлежишь этому больному ублюдку. И чем быстрее ты это примешь, тем легче тебе будет.

Он протянул руку и коснулся моего подбородка, поднимая его. На этот раз прикосновение было тверже, чем накануне ночью, но не грубым, но не оставляющим сомнений в том, кто здесь решает, куда мне смотреть.

– Ешь. Приведи себя в порядок. Через два часа к тебе придет портниха. Тебе нужна новая одежда.

– Я не буду носить твои подарки, – процедила, вложив в голос все презрение, на которое была способна.

– Будешь, – он улыбнулся уголком рта. Улыбка была красивой и очень опасной, из тех, что заставляют забыть о здравом смысле на долю секунды дольше, чем следовало бы. – Потому что у тебя нет выбора. Как и права на слово «нет».

Санто отпустил меня и направился к двери. Его шаги были такими же уверенными, как и при входе, будто этот разговор ничего для него не стоил – обычная утренняя формальность, вроде проверки замка или расписания дня. Уже на пороге он остановился и бросил через плечо, не оборачиваясь полностью:

– И еще, Виттория...

Посмотрела на него, чувствуя, как все внутри снова напрягается в ожидании удара.

– Не влюбляйся в меня. Это будет самой большой ошибкой в твоей жизни.

Дверь закрылась с тихим, но окончательным щелчком замка.

Я осталась сидеть на кровать, дрожа от ярости, страха и

какого-то странного, темного предчувствия, которое не могла назвать словами.

Посмотрела на поднос с едой, который он оставил. Хлеб, фрукты, кофе. Есть не хотелось. Хотелось кричать, биться в дверь, разбить окно и броситься вниз, к скалам, лишь бы не оставаться в этом доме ни минутой дольше.

Но я знала: это не решение.

Подняла глаза на свое отражение в огромном зеркале справа – растрепанные волосы, чужая рубашка, тени под глазами, слишком похожие на его собственные.

Я не узнавала себя. Виттория, которая утром вчерашнего дня спорила с матерью о цвете помады, казалась чужим человеком, героиней другой, давно забытой истории.

Красный свет маяка за окном продолжал пульсировать, размеренно, безжалостно, будто и не знал, что где-то в этом доме только что решилась чья-то судьба.

Словно отсчитывал время до моего падения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.